

В краю Тургенева и Фета

Поэтическое пространство Николая Перовского

ПОЭТЫ УХОДЯТ – СТИХИ ОСТАЮТСЯ

13 сентября – день памяти Николая Михайловича Перовского. 15 лет его нет с нами. В память о прекрасном русском поэте «Орловская правда» публикует статью члена Союза писателей Москвы, автора многих поэтических и прозаических книг, литературного критика Александра Балтина.

критика Александра Балтина.

Русский горизонт – особого свойства: тут двойная тайна, ибо в недрах многих поэтических ощущений русскости мерцает возвышенно-волшебный Китеж, всё никак не всплывающий из-под метафизических вод, а резкая черта горизонта словно распаивается небесной альтернативой чудо-града.

*Какой простор и звон в ушах,
когда тропинка полевая
тебя выводит на большак,
все горизонты открывая!*

*Ты набираешь высоту
и видишь с птичьего полёта
всю наготу и всю тщету
земных страстей, людского пота.*

Стих сух, но строчки вспыхивают хворостом, чтобы дать необыкновенное, устремляющееся в запредельность пламя: разыграться темами отдельных огненных волокон.

Стих Николая Перовского выразителен предельно: никакого словесного излишества не допускал поэт, ювелирно обрабатывая материал жизни, собственных фантазий и грёз, опыта, который удалось наработать, проходя разнообразными тропинками, дорогами, их отклонениями...

*Жизнь не отбрасывала тени,
пока душа росла в зенит,
но ветви сердца облетели,
а старый ствол ещё звенит.*

*Ещё ни солнце и ни вьюга
его не могут побороть,
лишь родовых колец кольчуга
стесняет дух и сущит плоть.*

У него была большая душа – у Николая Перовского: душа, готовая ко взлёту и познавшая парения, пока находилась в теле; душа поэта, чувствующего гармонию и классическую красоту мира, но стремящаяся дальше, выше...

Он предлагал свои формы метафизического языка: связанные с природными понятиями, как связано ощущение ствола собственной внутренней сути с облетающими ветвями сердца – здесь нечто от философии русского космизма, от огненного языка Андрея Платонова, от мощной сказовой фактуры стилистики Леонида Леонова.

Плоть уходит: иссушаемая годами, она становится ненужной, пока стихи разворачиваются в пространство феномен своего бытия.

Острый взор прозрения отразится в поэтических зеркалах Перовского, сильно разгоняя кольцами ощущения, связанные с ним:

*Бывает острое прозреньё,
как взрыв в мозгу, что ты – живой,
что ненависть, любовь, горенье
в тебе, с тобой и над тобой.
Ты только вскрикнул, хлопни дверью
или засмейся – просто, вдруг –
и тут же ветер и деревья
тебя затянут в общий круг.*

Мощь общего круга – оттуда же, от темы всеобщности, от необычности полётов русского космоса духа, от переливов прозрений Циолковского, от поэтических озарений Чижевского...

Перовский, разумеется, самостоятелен в стихе, но ассоциации, вызываемые его поэзией, говорят о насыщенности оной, о богатстве палитры и просторном пространстве духа, освоенном поэтом.

Как смешано многое:

*В тот милый круг, где всё живое,
где наслаждение и боль,
где правят общую судьбою
горенье, ненависть, любовь.*

Сколь оправдано такое смешение, знают все, достаточно ходившие по дорогам бытия, ибо волокна горения и боли вполне могут переплетаться, как – увя! – и ленты любви оборачиваться обожжёнными трагедией лентами ненависти.

Мастерство завораживает – в любом деле. Отсюда:

*Шарманщик, трубочист или
тряпичник,
точильщик или чистильщик сапог,
придите к нам из тех времён
давнишних,
когда любой из вас был полубог.*

*Я помню вас, корявых, грубощёких,
с весёлой сумасшедшиной в глазах.
В фуфайках и потёртых рукавицах,
в передниках, в халатах, в картузах.*

Есть нечто брейгелевское в тугом описании лиц и одежд, есть и гаммы ассоциаций, звучащие за названными профессиями...

Бредущий по дворам с шарманкой старик...

Чумазный, но по-своему необычайный изящный трубочист...

Перовский использует интересные метафоры, они опалют сознание точной находкой, западающей в память, и суммы их, прославляющие стихи, играют разными цветами человеческой жизни:

*В истоке детства, в солнечной
излучке –
телеги и точильные станки,
когда тебе, как в сказке, прямо
в руки
ныряют рыболовные крючки!*

*Стих туг, как виноградная гроздь.
Порой – он брызжет соком, как
жареное мясо.*

Мясо жизни близко поэту – в проявлениях мастерства, связанного с ремеслом, в самых различных ракурсах яви, попадающих в поэтические окуляры.

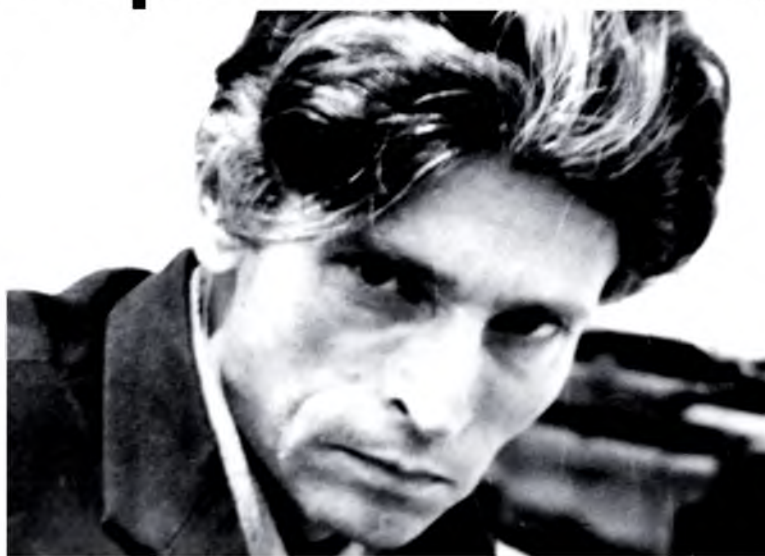
*А чистильщик! А уличный сапожник!
Ты приглядишься к нему из-за плеча:
какой уж там ремесленник –
художник! –
с повадкой и сноровкой циркача!*

*Они всегда в порядке и в ударе,
они и встать твой двор, твоя страна, –
о, запах кожи, ржавчины и гари!
О, дух махорки, пота и вина!*

И тут уже сам смак жизни ощущается истоково, весело-задорно-яростно... Ничего, что профессии – не из высот, громоздящихся к... условному трону; ничего, раз они дают столько артистизма и так окрашены духом бытия.

Словесная роскошь иных русских названий, их гармония и медоточивость обыгрываются изящно поэтом:

*Лебязье. Лебединка. Лебедьянь...
Издrevле наши реки и озёра,
приветливо открытые для взора,
с разбуженных сердец взымали дань.*

Красота замедленного чтения: словно вглядываешься в бесконечную воду земли, словно медленно вслушиваешься в тайны названий, связанных с источниками, с корневыми основами бытования на земле.

Люди и вода... Они так союзны – как правда и откровение, как поэзия и озарения.

И много их, световых, вспыхивает в произведениях Перовского, играя оттенками познающего, переливаясь гармонией духа.

Ирония порой перевивала волоконисто-колюче стихи Перовского, и то, что обращалась она, задействуя порочные стороны бытования, к поэту Икс, дающего общую картину, было логично:

*Поэт, раскрученный вполне,
полвека бывший на войне,
гордыни вдоволь накопил
и вдруг утратил прежний пыл...
...Давно не слышал соловья,
не видел хрусткого жнивья,
не замирал от тишины,
не попадал в тиски луны.
Где друга верного лицо,
любимой женщины крыльцо,
где гроздь сирени, луч звезды.
Отяжелевшие сады...
...Очистил зерна от плевел –
ослеп, оглох, осиротел...*

Тут – вариант иронии, переходящей в сатиру...

...Никто никогда не ответит, почему в нагрузку к литературному дарованию даются тщеславие, честолюбие, гордыня, трактующие грехами. И мало кто из поэтов способен победить их, отрешиться от оных...

Вспоминается Хлебников – этот глобальный дервиш русской поэзии... Или Тютчев – высокий аристократ её.

Ни тот, ни другой не обладали, кажется, негативом – только огромным даром, в случае Тютчева – гением.

...Душа всегда была – основой, альфой поэзии Перовского: и свою он расшифровывал стихами, отсюда и рождалось:

*Душу в стих обратив,
замираешь от сходства:
вот он, вечный мотив
на исходе сиротства...*

Есть миги счастья, в том числе связанные с творчеством, с сочинением стихов, но сплошной, тотальной лентой оно едва ли кому даётся...

Жизнь, узанная с разных сторон, была к Перовскому щедра и своей изнанкой (впрочем, вероятнее всего, опыт выбирает человека): поэту довелось и

бродяжить, узнавая шаровую ширь русского пространства и разноликие нравы людей, встречавшихся на пути; довелось Перовскому и побичевать на гнутых, таких красивых, но порою столь неласковых к носителю поэтического дара московских улицах; соприкоснуться с... почти горьковским дном, познакомившись пред тем и с богомой...

Но дно – всегда тяжко: поэту, опалённому своеобразным огнём отверженности, пришлось возвращаться в родную провинцию, где мера вещей иная, воздух не столь пропах амбициями, не настолько зависит от денег...

Неласковость жизни не служит основанием для её отвержения, ибо чем бы ты ни жил, всё равно это – жизнь, и в ней достаточно всего, что стоит воспевать.

В частности – и такое горячее и горячее, юношеское ощущение:

*...отроком грешным,
сговорясь с камышом,
подсмотрел, как потешно
ты прошла нагишом.*

*Я забыл твоё имя,
но шуршит между строк
под ступнями твоими
раскалённый песок.*

...Многим знакомо, со многими бывало, но великое право поэта перевести голый физиологизм момента в чудесную высоту поэтических строк.

Литература сливается с жизнью, сплетается определёнными волоконцами, и песок, прогретый до условных «корней» своих величием вечного византийско-русского солнца, перетекающий на страницу, волшебным шуршащим между строк – горит драгоценными карбункулами правды и подлинности.

...Он был из сирот – Николай Перовский, попавший в четырёхлетнем возрасте в специальный детский дом, куда распределялись дети репрессированных «врагов народа».

Сиротство такого рода тяжело вдвойне: то, что поэзия Перовского пронизана солнцем и радостью жизни, говорит о мере стойкости поэта и человека...

Он узнал и беспризорное детское бродяжничество, и учёбу (незавершённую) в Московском горном институте, и работу на шахте, на целине...

Жизнь тёрла его в шероховатых ладонях...

Нужно ли столько опыта? Но – повторимся – оный, вероятно, не выбирают, и те силы, что определяют нашу судьбу, сами решают, что кому положено.

В 1960-е годы жизнь вроде бы начинает улыбаться поэту: выходят книги, о его стихах пишет Сергей Наровчатов, Ярослав Смеляков рекомендует их в «Комсомольскую правду», высоко оценивает поэзию Перовского и Николай Рубцов.

Более двадцати книг выходит при жизни.

...Звёзды, иногда нежно мигая, возникают над нами: о! эти бесконечные шатры звёздных полей с их вечно тайной, с ощущением собственного бессмертия!

Сутью поэтического дела Перовского мыслится именно попытка докопаться до самых глубоких корней, и – возможность налюбоваться жизнью, столь кратковременной, в какие бы перспективы не увели драгоценные нити стихов:

*Дай взглядеться, дай мне
наслушаться,
дай докопаться до звёздных корней...*

...Степь говорила с ним. Она говорила – могуче и таинственно, как сфинкс, давая ответ столь же двойственный, сколь и оригинальный:

*Я сказал: «Научи меня, степь,
Дай мне воли и дай мне покоя,
Я годами сижу, я ослеп
В безнадежной борьбе со строкою».*

*И услышал я странный ответ:
«Все дороги ковыльной равнины
Упираются в горный хребет,
В океан обрываются синий...»*

Но не в смерть упираются они – дороги: в пространства столь значительные, что и смерть, вечно пугая, тем не менее покажется ничтожной.

У Перовского как будто свой воздух – необыкновенной синевы, ласкового натяжения, особого пространства.

У него же – своя степь, свои махины гор и свой океан: великолепно колышущийся, пронизанный мириадами огней океан духа...

Служа ему, поэт разбил свой словесный сад, наполненный чудесными растениями, и создал свою архитектуру (в мире поэзии много сочетаемого) – уходящую вверх, по световой вертикали, куда приглашает поэт тех, кто способен ещё слышать поэтическое слово.

